

„Подражания Корану“ Пушкина и их первоисточник

Тайна, которая покрывает для нас многие моменты жизни Пушкина, лежит и на его произведениях. Кажется, ни одному поэту не выпало на долю, будучи таким ярким и искренним в жизни, оставить столько загадок в своей биографии, и, создав одни из классически-ясных произведений мировой литературы, дать столько пищи для их толкования.

«Подражания Корану», являющиеся в настоящий момент предметом нашего внимания, разделяют общую судьбу произведений Пушкина. Несмотря на то, что они снабжены пятью примечаниями самого автора, чего почти не наблюдается в других поэтических произведениях Пушкина, они всетаки имеют большую литературу, посвященную их толкованию.¹ Вся эта литература ставит себе один главный вопрос: чем заинтересовался Пушкин в Коране и что он хотел передать в своих «Подражаниях»? Все авторы, указывая на прекрасную передачу формы Корана, полагают, однако, что главной задачей Пушкина была передача его содержания. Все их внимание обращено на то, чтобы понять, какая сторона содержания Корана так привлекла Пушкина. Здесь мнения разделяются.

Большинство писавших о «Подражаниях» во главе с Черняевым находят, что Пушкин старался передать здесь религиозно-философскую сторону Корана; что ироническому отзыву Пушкина о Коране нельзя верить;

¹ Черняев. «Пророк» Пушкина в связи с его «Подражаниями Корану». Русское Обозрение, 1897. — Н. Н. Страхов. Заметки о Пушкине. Лит. сборн. «Складчина», 1877. — Н. Ф. Сумцов. Этюды о Пушкине Харьк. унив. сборн. в память Пушкина. — В. И. Филоненко. «Подражания Корану» Пушкина. Симферополь, 1928 и др.

что Коран был первой религиозной книгой, которая поразила воображение Пушкина и привела его к Библии.¹

Этому взгляду, более или менее разделявшемуся в литературе конца XIX и начала XX вв., в настоящее время противопоставляется новый взгляд, высказанный в работе В. И. Филоненко.² Согласно этому взгляду, Пушкина заинтересовала в Коране не религиозно-философская его сторона, а та «особенная физиономия» арабского народа, с которой он выступает в этой книге: «Пушкина в Коране заинтересовало человеческое, а отнюдь не божеское»³ — вот главный тезис автора нового толкования «Подражаний».

«Правда», говорит он, «может быть, у поэта и было желание пуститься в мистическую высь, но он поборол его и, сделав какой-то резкий уклон в сторону материализма, сумел остаться здесь, на земле, на почве реального человеческого быта . . . Вот этот-то человеческий быт, а вовсе ни мистические высоты и занимали поэта. Пушкина заинтересовало «человеческое в его национальных и расовых чертах», и поэт блестяще выполнил свою художественную задачу».⁴

Вот вкратце два основных взгляда на смысл «Подражаний», существующие сейчас в литературе. Всякому, знакомому с «Подражаниями» и их источником, ясно, что в обоих этих взглядах заключается доля истины. Произведение Пушкина прекрасно передает основные элементы содержания Корана и рисует физиономию народа, его создавшего. Но в то же время чувствуется, что есть какая-то третья сторона, не отмеченная в литературе, которая, может быть, для поэта являлась самой главной.

Трудно себе представить, чтобы Пушкина так заинтересовали в Коране те элементарные понятия, выраженные в самой примитивной форме, которые составляют его религиозную философию, не говоря уже о том, что для этого нужно заподозрить искренность собственных свидетельств автора. Еще труднее представить себе, что поэта так привлекла задача дать в «Подражаниях» бытовую физиономию арабской среды, из которой вышел Коран. Несмотря на отдельные бытовые штрихи, «Подражания» дают в этом отношении слишком мало материала. Мы видим, что, кроме II «Подражания»: «О жены чистые пророка», Филоненко не находит у Пушкина по-

¹ Черняев, *op. cit.*, стр. 394, 397

² В. И. Филоненко, *op. cit.*

³ *Op. cit.*, стр. 4.

⁴ *Op. cit.*, стр. 3.

длинных бытовых черт и его анализ останавливается в конце концов на тех же религиозных понятиях, только подчеркивая в них, как говорит автор, «не мистический смысл самих заповедей, но лишь их отражение в сознании и жизни арабского народа».¹

Поэтому, еще раз отмечая, что Пушкин прекрасно передал и внутреннее содержание и бытовые черты своего источника, мы должны сказать, что вряд ли они находились в центре внимания поэта и подвигли его на создание одного из его лучших произведений.

Для того, чтобы разобраться в вопросе, что заинтересовало Пушкина в Коране, прежде всего следует обратиться, конечно, к свидетельствам самого автора, которых мы имеем достаточное количество. Пушкин снабдил свои «Подражания» несколькими примечаниями, которые, конечно, должны лечь в основу нашего толкования его произведения, но на которые почему-то обращалось очень мало внимания в литературе.

Первое примечание предпослано всем «Подражаниям» вообще.² Это примечание, долженствующее служить пояснением ко всему произведению, содержит чрезвычайно ценные указания. Здесь Пушкин сразу дает нам свое отношение к содержанию и к форме Корана. Он вполне примыкает к мнению всех «нечестивых», считая содержание Корана не новым и не представляющим особенной ценности. Но сейчас же он указывает, что содержание это имеет ценную форму, будучи изложено «сильным и поэтическим образом». После такого вступления ясно, что читатель должен был ждать подражаний интересной форме, а не малоинтересному содержанию.

Второе примечание дано к I «Подражанию».³ Это примечание опять обращает внимание читателя не на содержание, а на форму Корана, на риторический оборот клятвы, постоянно им употребляемый. На поэтическое значение этого оборота потом указывалось и в литературе.⁴

Третье примечание дано ко II «Подражанию».⁵ Это примечание отчасти объясняет форму «Подражания», указывая, от чьего лица идет речь, отчасти указывает на один из мотивов содержания Корана, особенно поразивший Пушкина — ревность пророка.

¹ Op. cit., стр. 5.

² См. стр. 257.

³ См. стр. 257.

⁴ Н. Ф. Сумцов. Клятва, как литературный прием. Харьк. унив. сборн., стр. 99.

⁵ См. стр. 258.

Четвертое примечание дано к IV «Подражанию».¹ Это примечание, может быть, вследствие своей малой основательности, во втором же издании было уничтожено.

Пятое примечание к V «Подражанию» является особенно характерным.² Оно так же, как и первое примечание, выражает отношение Пушкина к своему источнику: иронизируя над его содержанием, он не мог не восхищаться его поэзией.

Внимательно рассматривая эти примечания, можно, конечно, сразу заметить, что интересовало Пушкина в его источнике, и на что он хотел обратить внимание читателя. Это, конечно, его поэзия. Действительно, Пушкин был поэт, и поэтому мы вправе ожидать, что он мог подойти к Корану прежде всего, как к поэтическому произведению. Обыкновенно авторы мало останавливают внимание на этой стороне вопроса, но любопытно уже то, что в оценке передачи Пушкиным формы Корана наблюдается среди них полное единодушие.³

Невнимательное отношение литературы к этому вопросу не удивительно. Ведь авторы привыкли видеть в Коране памятник религиозный, подходить к которому нужно прежде всего со стороны его содержания. Рассмотрение его, как произведения поэтического, не предпринималось ни в пушкинистской, ни в русской востоковедной литературе. В нашей востоковедной литературе господствовало то же скептическое отношение к поэзии Корана, которое существовало и на Западе, и, может быть, поэтому она и не считала возможным заинтересоваться им, как памятником литературы. Между тем существует налицо и заслуживает безусловного внимания тот факт, что в мусульманской литературе одним из главных достоинств Корана считается его форма, вызывающая непрестанный интерес среди самых разнообразных кругов читателей. Возвращаясь к Пушкинским «Подражаниям», мы должны сказать, что в значительной степени они должны нам помочь разобраться в этом вопросе.

¹ См. стр. 258.

² См. стр. 258.

³ «Он мог претворить в такую чудную красоту каждый, иногда едва уловимый намек Мухаммеда» Черняев, *op. cit.*, стр. 396. «... Немногосложная, но сверкающая фантазия и при всем том полнейшая музыкальность, волшебное течение речи...» Страхов, *op. cit.*, стр. 575. «Пушкин... интуитивно уловил в то же время своеобразный дух ислама, ритм речи и весь склад Корана» В. И. Филоненко, *op. cit.*, стр. 8.

Литературные произведения в форме подражаний встречаются у Пушкина чрезвычайно часто.¹ «Подражания Корану» здесь не являются исключением. Пушкин был большой мастер этого вида творчества. Он писал подражания произведениям самого различного характера. Но нужно заметить, что доля внимания, уделенная им «Подражаниям Корану», все же является исключительной. Обычно он ограничивался одним-двумя подражаниями какому-нибудь образцу: здесь мы имеем их целых IX. Кроме того постоянные упоминания о Коране в письмах, в дневнике и в других произведениях Пушкина указывают на какой-то особый интерес к нему. Не говоря пока ни о каких особенностях самого источника, мы должны сказать, что, возможно, такое особое внимание Пушкина к Корану было вызвано генеалогическим интересом. Пушкин всегда чрезвычайно интересовался своей родословной, особенно африканской. По данным Д. Н. Анучина², Абрам³ Ганнибал происходил из г. Лагона, находящегося в северовосточной Абиссинии, на берегу р. Мареба, где отец его был вассальным Турции князьком. Хотя неизвестно точно, была ли его семья мусульманской или христианской, но местность эта уже в XVII в. имела значительное мусульманское население, что дает возможность предположить, что и Абрам Ганнибал мог быть по рождению мусульманином. Некоторые данные его биографии также как будто указывают на это. Известно, что Петр I крестил своего маленького арапа в Вильно, так что потом он «сознал себя убежденным христианином» и не хотел возвращаться к «язычеству и варварству», как говорится в анонимной немецкой биографии, оказавшейся в бумагах Пушкина.⁴ В этой же биографии сказано, что отец Абрама Ганнибала «по магометанскому обычаю имел очень много жен, в числе около тридцати».⁵ Все эти факты были известны Пушкину, и хотя все они допускают и другое объяснение, но все же являются вполне достаточными, чтобы Пушкин мог предположить не христианское, а скорее мусульманское происхождение своего предка. С этой точки зрения можно с большою долею вероятности высказать соображение, что Пушкин должен был, кроме художественного, испытывать к Корану особый, личный интерес.

¹ Подражания Данту, Песни Песней, Гафизу, арабскому, Анакреону и т. п.

² Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин (Антропологический этюд). Русск. Вedom. 1899, № 127.

³ Пушкин назвал своего предка Ибрагимом (Арап Петра Великого), но сам он, так же, как и современники его, называл себя Абрамом. Д. Н. Анучин, *op. cit.*, № 106.

⁴ Ркп. № 2387 А т. 4. л. 41 об. (Публ. библ. им. Ленина в Москве).

⁵ Ркп. № 2387 А т. 4. л. 40 (Публ. библ. им. Ленина в Москве).

При незнании Пушкиным языка своего источника особое значение приобретает тот перевод, которым он пользовался. До сих пор этот перевод не был установлен, но при внимательном сравнении текста «Подражаний» с текстами переводов того времени это обстоятельство выясняется само собой. Во время создания «Подражаний» существовали следующие переводы Корана: латинский перевод Magacci 1698 г.; французские: A. du Ryer 1770 и Savary 1751/52 г. и еще до 1828 г. 6 изданий; английский перевод Sale — между 1734 и 1826 г. было 10 изданий; (немецкий перевод Sale издал Т. Arnold 1746) и русские: Д. Кантемира 1716 г., М. Веревкина 1790 г. и А. Колмакова 1792 г. При сопоставлении текста «Подражаний» с соответствующими местами этих переводов сразу бросается в глаза, что наиболее близко к «Подражаниям» стоит русский перевод Веревкина.¹

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ

ПЕРЕВОД КОРАНА М. ВЕРЕВКИНА²

I

К «Подражанию» I

Клянусь четой и нечетой,

Клянусь четую и нечетую (89. 2)
(362 стр. II).

*Клянусь мечем и правой битвой,
Клянуся утренней звездой³*

.
Клянуся небом и звездою, показывающею путь человекам (86. 2) (358 стр. II).

Клянусь вечернею молитвой.

Клянуся часом молитвы вечерняя (103. 1) (380 стр. II).

Нет, не покинул я тебя.

Господь твой не оставил тебя (93. 3) (368 стр. II).

Кого же в сень успокоенья

Не дал ли тебе доброго убежища, егда сиротствовал ты? (93. 6) (368 стр. II).

*Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?*

Егда оба они укрывались в пещере, Магомет утешал клеветра своего: не сетуй, бог с нами (9. 40) (158 стр. II).

¹ За неизменением места параллельные тексты других переводов Корана не могут быть помещены.

² В дальнейшей цитации первые скобки означают суру и стих Корана, а вторые скобки — страницу и часть перевода М. Веревкина.

³ Первоначально в издании 1826 г. было: *Клянуся утренней зарей*; ср. пер. Веревкина: *Клянуся зарю* (89. 2) (362 стр. II).

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными *водами*?

Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?
Мужайся ж, презирай обман,
Стезкою правды бодро следуй,

Люби *сирот*, и мой *Коран*

Дрожащей твари *проповедуй*.

Не забывай . . . како низвел *воду*
с небеси на умовение тебе (8. 11)
(145 стр. I).

.
.
.
Направляй нас на путь истины (1. 5)
(1 стр. I).

Не обиждай же *сирот* (93. 9) (368 стр. II).

Проповедуй Аль-Коран: воспользуется
боящихся бога (87. 9—10) (359 стр. II).

II

О, *жены* чистые пророка,
От всех вы *жем* отличены:

Страшна для вас и тень порока.

Под сладкой сенью тишины
Живите скромно; вам пристало
Безбрачной¹ девы *покрывало*.

Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавгий нечестивых
Не узрит вашего *лица*.

А вы, о гости Магомета!
Стекаясь к вечеру² его

К «Подражанию» II

О, *супруги пророчи!*
Не есте, яко же *жены* прочие мира
сего (33. 32) (157 стр. II).

Окажется ли какая-либо из вас в студо-
деянии, накажу сугубо пред вся-
кою иною прелюбодейцею (33. 30)
(156 стр. II).

Не исходите из домов ваших казати
вашу красоту . . . (33. 33) (157 стр. II).

О, пророче, скажи твоим женам, дще-
рям, женам и дщерам правоверных:
да *покрывают* лица свои (33. 59)
(160—161 стр. II).

Не внимайте словам соблазняющим
вас (33. 32) (157 стр. II).

Егда беседуете с женами его, да имуть
покрывала на *лицах* их (33. 53)
(160 стр. II).

Скажи правоверным, да обуздывают
очеса свои (24. 30) (88 стр. II).

О, правоверные! не входите в дом
пророческ без его позволения.

¹ В рукописи первоначально стояло: Небесной девы покрывало. Ркп. № 2370, л. 9 (Публ. библиотека им. Ленина в Москве).

² В издании 1826 г. было: Стекаясь к *трапезе* его; ср. текст Веревкина.

Брегитесь суетами света
Смутить *пророка* моего.

В пареньи дум благочестивых
Не любит он *велеречивых*,
И слов нескромных и пустых.
Почтите пир его смиреньем

И *целомудренным* склоненьем
Его невольниц молодых.

III

Смутясь, *нахмурился* пророк,

Слетца послышав приближенье:

Бежит, да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье.
С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых:

Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых.

Почто же кичится человек?

За то ль, что *наг* на свет явился,

Что дышет он недолгий век
Что *слаб* умрет, как *слаб* родился?

За то ль, что бог и умертвит
И *воскресит* его по воле?

Бывая приглашены от него, входите
свободно, и насытившись *трапезы*
его, возвращайтесь в дома ваши
(33. 59) (160 стр. II).

Не досаждайте ему *плодословиями*
единые со другими (33. 53) (160 стр.
II).

О, верующие! Говоря о пророке, не
говорите громчее его (49. 2—3)
(257 стр. II).

Не должны скучати *пророку* божию,
не должны знати его жен (33. 53)
(160 стр. II).

Прилично бо сие их *целомудрию*, вашей
скромности (33, 53) (160 стр. II).

К «Подражанию» III

Пророк наморщил чело, *нахмурился*
в лице,

устрашился от *блжжащегося* к нему
слепого (80. 1) (347 стр. II).

Без далеких от закона божия (80. 4)
(347. II).

Аль-Коран послан научати народ, есть
список с книги, хранимой на небе.
(80. 11) (347 стр. II).

Долг твой проповедывати токмо, а не
принуждати к верованию (80. 4)
(347 стр. II).

Человек, чего ради нечестив есть?
(80. 16) (347 стр. II).

О, человек! Кто *учиняет* тебя *столь*
горда? (82. 6) (351 стр. II).

Родился ты нищ, бездетен, *наг* (6. 93)
(111 стр. II).

.
Человек создан *слабым* (4. 32) (65 стр.
II).

Разве от того, что бог пошлет ему
смерть и *воскресит*, егда угодно ему
будет? (80. 21—22) (347 стр. II).

Что с неба дни его *хранит*

И в радости и в горькой доле?

За то ль, что дал ему *плоды*,
И *хлеб и финик и оливу*,
Благословив его *труды*
И *вертоград, и холм, и ниву?*

Но дважды ангел вострубит,

На землю *гром небесный* грянет:
И брат *от брата* побежит,
И сын *от матери* отпрянет,

И *все* пред бога притекут,

Обезображенные страхом,²
И *нечестивые* падут,

Покрываются пламенем и прахом.

IV

С тобою *древле*, о *всесильный*,

Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, *господь*, его *смирил*.
Ты *рек*: Я миру *жизнь дарую*
Я *смертью* землю *наказую*

Кто *хранит* жизнь вашу (6. 99)
(111 стр. II).

Бог *дает смеяться и плакать* (53. 44)
(273 стр. II).

Д*аю* *дождь . . .* произвожу всякого
рода зерна *хлебные*: *свеклу, оливы,*
финики; мною *растут и изобилуют*
сады и *огороды с плодами*, травами
всякого рода (80. 25—32) (347 стр.
II).

Е*гда ангел вострубит во второй раз*
(80. 33) (348 стр. II).

Е*гда отверзется небо* (82. 1) (351 стр.
II).

*Гром небесный*¹ (13.) (208 стр. I)

Человек *побежит от брата, матери,*
жены и чад своих (80. 33) (348 стр.
II).

Тогда *все* *человеки* соберутся (101.
3) (377 стр. II).

В день сей *лица нечестивых* *покроет*
сокрушение . . . обезображены бу-
дут *землю и прахом*. (80. 40—42)
(348 стр. II).

В день *судный* *проклятия* *покроются*
пламенем и ужасом (88 предисловие)
(360 стр. II).

К «Подражанию» IV

Не *рассуждаете ли* о *деянии* *такового*,
к *кому дал* *господь царство?*
Как *состязается* он о *боге* с *Авраа-*
мом?

Авраам рек *ему*: *господь мой* *дает*
жизнь и смерть;

¹ Название суры.

² В рукописи первоначально стояло: *обезображенные прахом*. Ркп. № 2870 л. 18 об. (Публ. библ. им. Ленина в Москве); ср. текст Вережкина.

На все подъята длань моя.
 Я также, рек он, жизнь дарую,
 Я также смертью накажу,
 С тобою, боже, равен я.
 Но смолкла похвальба порока
 От слова гнева твоего:
*Подъемлю солнце я с востока;
 С заката подыму его.*

V

Земля недвижна; неба своды,
 Творец, *поддержаны* тобой,
 Да не падут на сушь и воды
 И не подавят нас собой.
 Зажег ты солнце во вселенной,
 Да светит небу и земле,
 Как лен, елеем напоенный,
 В лампадном светит хрустале.

Творцу молитесь; он могучий,
 Он правит ветром; в знойный день
 На небо посылает тучи;
 Дает земле древесну сень.

Он милосерд. Он Маломету
 Открыл смялющий Коран,
 Да притечем и мы ко свету
 И да падет с очей туман.

VI

Недаром вы приснились мне
 В бою, с обритунами главами

.....
 Он же: я даю и смерть и живот из
 подданных моих, кому хочу.

Авраам: бог *подъемлет* солнце с востока.
подними его с запада: неверный сму-
 тился умом (2. 260) (33 II).

К «Подражанию» V

Создал горы, удерживая землю от дви-
 жения . . .
 покрыл их небом, поддерживая оное,
 да не падет на них (21. 32, 33)
 (59 стр. II).

.....
 Бог освещает небо и землю, яко огонь
 лампы в сосуде хрустальном, ту-
 ком масляным наполненной (24. 35)
 (89 стр. II).

Ему единому молиться должно (13.
 15) (210 стр. II).

Всемогущ бо есть (48. 7) (253 стр. II).

Бог посылает ветры (35. 10) (171 стр. II).

Произвел древесна и облака, укрываю-
 щие тебя под тенями своими от
 солнечного зноя (16. 83) (9 стр. II).

Аз есмь бог милосердый.

Ниспосылаю к тебе, Маломет, книгу
 сию, да изводиши народ от тьмы
 к свету (14. 1) (214 стр. I).

Бог послал к вам книгу, полную света,
 да приводятся ею на путь спасения
 любящие его, да извлекаются из
 тьмы (5. 18) (85 стр. I).

К «Подражанию» VI

Сновидение пророка было истинное,
 егда мечталось ему, что вы бес-
 страшны, со обритунами главами (48.
 27) (255 стр. II).

С окровавленными мечами
Во *рвах*, на башне, на стене.

Внемлите радостному кличу,
О, дети пламенных пустынь
Ведите в плен молодых рабынь,

Делите бранную добычу!

Вы победили:¹ слава вам,

А малодушным посмеянье:
Они на бранное призыванье
Не шли, не веря дивным снам.
Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаяньи своем
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.

Блаженны падшие в сраженьи:
Теперь они вошли в *эдем*,
И потонули в наслажденьи
Не отравляемом ничем.

... ..
устроившие *рвы* (25. 4) (356 стр. II).
За *стенами* каменными (59. 14)
(296 стр. II).

... ..
... ..
Замужние запрещены тебе, кроме не-
вольниц, благоприобретенных то-
бою (4. 28) (64 стр. I).

Бог обещал вам великую *добычу*, ко-
торую и получили вы (48. 20)
(254 стр. II).

Приятны богу собравшиеся к тебе
дал им победу (48. 19) (254 стр. II).
Ибо вознерадели о том, а *возмалоду-*
шествовали в первый раз (9. 84)
(163 стр. I).

Шествуете ли за *добычею*, восхотевши
сражаться с вами *скажут*: *возь-*
мите и нас с вами.

Скажите таковым: *не возьмем* (48. 15)
(254 стр. II).

Не падите имуществ и жизни, егда
сражаешься за его закон ... во-
дворитесь в домах велеlepных
Эдема и обряцете тамо вышнее
блаженство (61. 11 — 12) (301
стр. II).

VII

К «Подражанию» VII

Восстань, боязливый:
В пещере твоей

Святая лампада
До утра горит.

О, робкий! *Восстань* ночью
молися богу о полунощи (73. 1)
(330 стр. II).

... ..
... ..

¹ В рукописи первоначально стояло: *Вам бог победу даровал* ... Ркп. № 2370 л. 19 (Публ. библ. им. Ленина в Москве); ср. текст Вереvкина.

Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли
Лукавые сны.

До утра молитву
Смиренно твори;

Небесную книгу
До утра читай.

VIII

Торгуя совестью пред бледной нищетою
Не сыпь своих даров расчетливой
рукою:

Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда подобно ниве
тучной,
О, сеятель благополучный,

Сторицею воздаст она твоим трудам.

Но если, *пожалев* трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скупое подаенье

Сжимаешь ты свою завистливую длань,

Знай: все твои дары, подобно горсти
пыльной,
Что с камня моет дождь обильной,
Исчезнут — господом отверженная
дань.

Забудь все мирское, *мысли* твои обращай к единому господу запада и востока . . . да не смущаешься вещаниями нечестивых (73. 9, 10) (330 стр. II).

Воссылай *молитвы* твои к богу при заходе солнца, при первом сумраке ночи, пред дневным свитанием и на заре *утренней* (71. 81) (22 стр. II).

Читай Аль-Коран, обмыслий содержащееся в нем (73. 4) (330 стр. II).

К «Подражанию» VIII

Тако подобны явитесь дающим милостину по своенравию токмо и лицемерию (2. 266) (35 стр. I).

Бог умножает имущества, ибо *щедр* . . . истощающие имущества во славу его, не раскаяваясь улучат мзду от его величия, избавятся от страха и печали *в день судный* (2. 264) (34 стр. I).

Дела истощающих имущество во славу его, *подобны* зерну хлеба, отраждающему седьм класс, в каждом *по сту* зерен (2. 263) (34 стр. I)

О, правоверные! Не теряйте милостин ваших *сожалея* об них и порицая себя расточительностью . . . (2. 266) (35 стр. I).

Они *сжали* руке свои (5. 69) (91 стр. I).

Благотворения таковых яко *камни*, покрытые сверху землею весьма мало, пролиет *сильный дождь*, обнажит их от оныя (2. 266) (35 стр. I).

IX

И путник усталый на бога роптал,
Он жаждой томился и тени алкал,
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью тягчимые очи .
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладезь под пальмою видит он вдруг.
И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжело язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной ослицы:
И многие годы над ним протекли
По воле владыки *небес и земли*.
Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:

«*Давно ли* в пустыне заснул ты глубоко?»

И он *отвечает*: уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра.
Но голос: «о путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем вос-
стал;

Уж пальма истлела, а кладезь холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей;
И *кости белеют ослицы твоей*».

И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник . . .
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой гла-
вой:

Вновь кладезь наполнен прохладой
и мглой.

К «Подражанию» IX

Размысли о деянии вышедшего из
селения опустошенного и разорен-
ного . . . вещающего к себе сице:
како может дать жизнь бог умерщ-
вленным здесь и восстановить
селение попрежнему? (2. 261)
(34 стр. I).

Бог наш есть господь *неба и земли*
(18. 13) (27 стр. II).

Бог умертвил самого его, по проше-
ствиям ста лет воскресив, сказал ему:
Давно ли ты на месте сем?

Отвечал: единый день с половиною.

Напротив, ты был здесь сто лет . . .

воззри на твоего осла, уже токмо *кости*
его белеются . . .

И ветхие *кости ослицы* встают,
 И телом¹ *оделись* и рев издают;
 И чувствует путник и силу и радость;
 В крови заиграла воскресшая мла-
 дость;

Святые восторги наполнили грудь:
 И с богом он дале пускается в путь.

виждь *кости осла* твоего, соберу их,
облеку плотию.

Неверный, ураженный чудом таковым,
 возопил: признаюсь, что бог все-
 могущ (2. 261) (34 стр. I).

Следует сказать, что перевод Веревкина сделан с перевода du Ruerg и представляет собою настолько близкую копию последнего, что на первый взгляд трудно решить, каким собственно из этих двух переводов пользовался Пушкин, так как оба перевода употребляют одни и те же выражения, один на русском, другой на французском языке. Ясно только одно, что Пушкин использовал какой-нибудь из этих двух переводов, так как остальные стоят слишком далеко от текста «Подражаний». Но при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что то, что Пушкин мог получить от русского перевода Веревкина, он не мог получить от французского перевода du Ruerg.

Первое, на что приходится обратить внимание,— это на обилие буквально и почти буквально совпадающих выражений в тексте Веревкина и в тексте «Подражаний».² По нашему приблизительному подсчету $\frac{1}{5}$ текста «Подражаний» представляет собою буквальную передачу текста Веревкина; если же к ней прибавить заимствования хотя и не буквальные, но очень близкие, то эта цифра возрастет до $\frac{1}{4}$.³ Если предположить, что Пушкин пользовался переводом du Ruerg, то трудно себе представить, что, перелагая его на русский язык, он перевел все эти выражения как раз так же, как это сделал Веревкин. Кроме того, хотя многие из этих выражений являются очень обычными и все же могли одинаково пригнать в голову как Веревкину, так и Пушкину, — зато некоторые из них являются настолько оригинальными, что допустить их одинаково зародившимися независимо друг от друга в умах переводчика и поэта представляется невозможным. Таковы, напри-

¹ В рукописи первоначально было: *И плотью оделись* . . . Ркп. № 2370 л. 39 об. (Публ. библ. им. Ленина в Москве); ср. текст Веревкина.

² В тексте эти места отмечены курсивом.

³ См. текст.

мер, выражения: «клянусь четой и нечетой»,¹ «обезображенные прахом» (рпк.), «подъемлю солнце я с востока», «да не падут на сушь и воды», «в лампадном светит хрустале», «рекут: возьмите нас с собою, но вы скажите: не возьмем», «и плотию оделись» (рпк.).

Но, пожалуй, наиболее интересные указания мы находим не в самом тексте «Подражаний», а в тексте тех примечаний к ним Пушкина, которые были нами разобраны выше.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. «*Нечестивые*, пишет Магомет (глава *Награды*) думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен». Мнение сих нечестивых, конечно, справедливо, но, несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом. Здесь предлагается несколько вольных подражаний. В подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомёте упоминается только во втором и третьем лице.

II. В других местах Корана Алла клянётся копытами кобыми, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродетелью и пороком, ангелами и человеком и проч.

Странный сей риторический оборот встречается в Коране поминутно.

III. «Мой пророк», прибавляет Алла, «вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромн; но я

ПЕРЕВОД ВЕРЕВКИНА

Награды (название суры).

Нечестивые вещают: Аль-Коран есть вместилнице лжей и басен древних (6. 25) (102 стр. I).

Клянусь конями сими, быстро бегущими, одна другую ускоряя (100. 12) (376 стр. II).

клянусь плодами древес фиговых и финиковых (95. 1) (370 стр. II).

клянусь свободою и безопасностью во граде сем (*Мекке*) (95. 3) (370 стр. II).

клянусь добродетелями и пороками (91. 8) (366 стр. II).

клянусь ангелами и человеками (85. 3) (356 стр. II).

. . . стыдится выслать вас, но не стыдится бог вещать вам истину (33. 53) (160 стр. II).

¹ Выражение это тем более необычно, что во времена Пушкина говорили не «чета» и «нечета», а «чет» и «нечет»; см. Словарь Академии российской. 1794 г. в. ч.

не имею нужды с вами чиниться»
и проч.

Ревность араба так и дышит в сих
заповедях.

IV. Из книги: *Слепец*¹ (Тифля). Вот *Слепый* (название суры 80-й).
почему слово сие почитается у турок
за жесточайшую брань.²

V. Плохая физика, но зато какая
смелая поэзия.

Здесь мы встречаем опять часто буквальное тождество текста примечаний с текстом Веревкина, точное совпадение редких выражений: Награды³ Слепый,⁴ «собрание новой лжи и старых басен». Но особенно интересно здесь одно обстоятельство: и у Пушкина и у Веревкина мы здесь встречаем одинаково «коней» в женском роде, что между прочим соответствует Корану: у Пушкина: «Алла клянется копытами кобылиц», у Веревкина: «клянусь конями сими быстро бегущими, одна другую ускоряя»,⁵ тогда как во всех без исключения других переводах мы находим «коней» в мужском роде.⁶ Не зная языка подлинника, Пушкин естественно мог взять этих «кобылиц» только из перевода, которым пользовался. Этот пункт, при всех прочих доказательствах, является решающим и позволяет нам окончательно остановиться на том выводе, что перевод, с которым работал Пушкин, был перевод Веревкина.⁷

¹ В рукописи название этого «Подражания»: «Слепый», как и в тексте Веревкина, ркп. № 2367 л. 28 об. (Публ. библиот. им. Ленина в Москве).

² Слово «тифля» действительно имеет такое значение в новогреческом языке: *τύφλα* (ti'-fla) 1. Blindheit. 2. Blendung. 3. *fig.* Verblendung. *τύφλα*: zum Teufel! Bist du blind! (Schimpfwort) [Neugriechisch-deutsches Wörterbuch von Prof. Y. Mitsotakis].

³ Во всех других переводах эта сура называется иначе: Колмаков: «Скот», Savary: «Les troupeaux»; du Ryer: «Gratifications».

⁴ В других переводах название этой суры: Колмаков: «Он нахмурил чело свое»; Savary: «Le front sévère»; du Ryer: «L'Aveugle»; Sale: «He frowned».

⁵ Что Веревкиным это выражение употреблено сознательно в женском роде — доказывает другое место, где он говорит о бегстве неверных: «бегут туда, один другого ускоряя», ч. I, стр. 160.

⁶ Du Ryer: «Je jure par les chevaux et par le bruit, qu'ils font des pieds». Savary: «Par les chevaux qui, frappant la terre du pied, font jaillir des étincelles». Колмаков: «Клянусь быстротекущими на брань конями». Sale: «By the war-horses which run swiftly to the battle».

⁷ Не исключается, конечно, возможность того, что Пушкин знал и другие переводы Корана, но эти переводы не оставили заметных следов на его произведении: настольной книгой для него явился перевод Веревкина.

Мы должны сказать, что выбор Пушкина, был ли он сделан сознательно или в силу необходимости, не является неудачным. Хотя перевод Веревкина в то время был уже не самым новым и встречал справедливые обвинения в ошибках и неточностях, но зато он был самым поэтическим из всех переводов своего времени. Сравнивая перевод Веревкина, написанный простым, но сильным языком, с нудным и запутанным переводом Колмакова и сдержанным переводом Savary, следует сказать, что, несмотря на его неточности, для той цели, которую ставил себе поэт, это был лучший перевод.

Может быть, этими достоинствами перевода отчасти объясняется и та высокая степень использования его, которую допустил Пушкин. В своих многочисленных подражаниях всевозможным образцам Пушкин выказывал самое разнообразное отношение к своим источникам. Иногда мы видим совершенно свободное творчество, отказывающееся от всякого прямого заимствования, ставящее себе целью передать только дух и стиль подлинника (подражания Данту); иногда мы видим интенсивное использование образца, с передачей не только языка и стиля, но и образов и отдельных выражений (подражания Песни Песней).¹ В «Подражаниях Корану» Пушкин, называя их «вольными», предоставил себе свободу в области общей композиции своего произведения, но, что касается деталей, то надо сказать, что он использовал свой источник гораздо больше, чем можно предположить с первого взгляда. Сравнивая тексты «Подражаний» и перевода,² видишь, что каждая мысль, каждое выражение «Подражаний» за двумя-тремя исключениями, имели базу в соответствующей мысли и выражении подлинника, зачастую переданных с очень большой точностью.³ Эта буквальная передача

¹ Пушкин часто пленялся красотами чужой речи и охотно вводил их в свои произведения. Например, по поводу выражения «под стражей хладного скопца» (Бахчисарайский фонтан) он пишет: «меня ввел во искушение Бобров, он говорит в своей «Тавриде»: под стражею скопцов гарема» (Письмо к П. А. Вяземскому. Одесса, ноябрь 1823 г.). Также по поводу стиха «Людская молвь и конский топ» (Евгений Онегин, песнь V) он говорит: «на ту беду и стих то весь не мой, а взят целиком из русской сказки: И вышел он за ворота городския и услышал конский топ и людскую молвь (Бова Королевич)» (Критические заметки).

² См. текст.

³ Исключение составляет IX «Подражание», в котором многое является не взятым из Корана, а данным поэтом от себя. И следует сказать, что это «Подражание», вопреки общему мнению, является самым неудачным. Медленное, логически-последовательное развитие действия, подробности описания отдельных положений, самые длинноты повествования не

текста особенно интересна, если принять во внимание, что она была сделана таким великим мастером слова, как Пушкин. Не говоря о ясно выраженном в этом приеме желании не упустить ни одной характерной детали своего источника, в таком тщательном его использовании заметно и увлечение самим текстом, бессознательная, а, может быть, и сознательная передача того поэтического материала, который был дан поэту переводчиком. В этом смысле скромный перевод XVIII века явился вдохновителем одного из лучших произведений Пушкина, произведения, которое называлось «ключом к разгадке и верному пониманию» Корана, чем вряд ли могли бы похвастаться многие современные переводы.¹

Обращаясь к формальной стороне «Подражаний Корану» и желая выяснить, насколько в них переданы особенности поэтической формы самого Корана, прежде всего нужно указать на то, что Пушкиным были несомненно изучены и использованы не только несколько последних сур, как обычно предполагают, но значительная, — пожалуй, большая часть Корана. По нашему подсчету, который при дальнейшем изучении, вероятно, можно еще пополнить, оказывается, что поэтом текстуально использовано в «Подражаниях» не менее 33-х различных сур и не менее 81-го стиха, при чем эти стихи и суры относятся к самым различным местам Корана.²

характерны для Корана. Главным же недостатком, в противоположность опять общему мнению, является, то, что Пушкин допустил здесь изменение в сюжете подлинника, от которого сильно пострадал весь характер «Подражания». А именно, сомнение человека в том, что бог может воскресить мертвых — один из характернейших, постоянно повторяющихся мотивов Корана — здесь заменено ропотом вследствие утомления и жажды, мотивом, не встречающимся в Коране и для него не характерным. В первом случае чудо с путником является ответом бога на сомнение маловера, и доказательством всемогущества божия — один из лейтмотивов Корана. Во втором случае это — наказание за ропот, — мотив, чуждый Корану. Удалившись на этот раз от своего источника, поэт сделал большую ошибку, которая сразу же бросается в глаза всякому знакомому с Кораном, несмотря на другие достоинства этого «Подражания».

¹ М. И. Веревкин (1732—1795 г.) состоял переводчиком при Кабинете Екатерины II и с 1765 г. был членом Российской Академии Наук. Было бы вообще интересно подробнее осветить фигуру нашего переводчика на фоне востоковедения того времени, но ввиду того, что интерес к Востоку во II пол. XVIII в. и I пол. XIX в. был чрезвычайно велик и материалы, относящиеся к этому вопросу, очень обильны — сделать это в пределах настоящей работы не представляется возможным.

² См. текст.

Несколько основных сюжетов взято Пушкиным, правда, главным образом из нескольких определенных сур (сюжет II «Подражания» — из 33-й суры; III — из 80-й; IV — из 2-й; VI — из 48-й; VII — из 73-й; VIII — из 2-й; IX — из 2-й). Но зато все детали представляют чрезвычайно широкий охват источника, а если мы примем во внимание обильные повторения, которыми отличается Коран, то, можно сказать, — охват большей части его. Такое основательное изучение этой чрезвычайно трудной обычно для чтения книги, показывая серьезный интерес, дает и то глубокое проникновение в ее основные особенности, которое признается всеми в «Подражаниях».¹

Передавая поэзию этой книги, Пушкин должен был встретить большие затруднения вследствие незнания языка подлинника. Многие основные его особенности остались для поэта скрыты; его язык мог быть передан им только отчасти, так как перевод не давал многих сторон его лексики и синтаксиса; его ритм, размер и рифмы остались совершенно неизвестны Пушкину и не могли быть им переданы совсем. Но к тем элементам поэтической формы, которые были ему доступны в переводе, он отнесся чрезвычайно внимательно.

Обратимся к языку «Подражаний». Не будучи в состоянии передать ту общую окраску языковой среды, из которой вышел Коран и которая так ярка в подлиннике и исчезает в переводе, Пушкин заменил ее церковнославянским элементом, который придал языку «Подражаний» характер языка, типичного для священных книг. Самый словарь изобилует славянизмами: сень, стезею, брегитесь, велеречивых, главу, узрит, стекаясь, к вечера, вертоград, вострубит, притекут, древле, дарую, наказую, длань, рек, подъемлю, внемлите, блаженны, стяжанья, алкал, зеницы, кладезь, глас, восстал, младость и т. п.

Характерно употребление 'да' вместо 'чтобы': да взор лукавый нечестивых; да не дерзнет порок; да не падут на сушь и воды; да светит небу и земле; да притечем и мы ко свету; да падет с очей туман.

Особенное значение имеет и своеобразное употребление союза 'и': и брат от брата побежит; и все пред бога притекут; и нечестивые падут и т. п. Особенно намеренный характер носит употребление анафорического 'и' в IX «Подражании».

¹ За исключением А. Е. Крымского. Очерк истории Ислама Дожи, стр. 120, прим. Б.

Весьма возможно, что этот прием был подсказан Пушкину также переводом, который, как и все старые русские переводы Корана, был написан почти церковно-славянским языком. Этот прием дал прекрасный фон для всего произведения, для которого сильнейшим литературным влиянием было влияние Библии.¹

Здесь Пушкин действовал интуитивно, но зато другую особенность языка Корана он мог передать, уже стоя на совершенно твердой почве: это — обилие в лексике Корана слов, выражающих предметы мира видимого и мира чувств. При чтении Корана невольно вспоминаются слова чеховского послушника о писании акафистов: «Нужно, чтобы каждая строчечка изукрашена была всячески, чтобы тут и цветы были, и молния, и ветер, и солнце, и все предметы мира видимого. . .».² Это правило вполне можно приложить к Корану. Его текст переобременен «предметами мира видимого», хотя, может быть, и не всегда такими поэтическими, как требуется сочинителю акафистов. И эту особенность вполне отразили «Подражания», показав правильность стилистического наблюдения Чехова.

Словарь V «Подражания»: земля, небо, сушь, воды, солнце, лен, елей, хрусталь; ветер, тучи, сень, свет, туман.

Словарь VI «Подражания»: бой, мечи, рвы, башни, стены, клич, пустыня, рабыни, добыча, сражение, эдем.

Словарь IX «Подражания»: путник, тень, пустыня, зной, пыль, очи, кладезь, пальма, бег, струя, язык, зеницы, ослица и т. п.

Словарь II «Подражания»: жены, сень, покрывало, сердца, взор, лицо, гости, вечера, пир, невольницы.

Так же характерен для Корана и «язык чувств». Его мы также находим в «Подражаниях».

Словарь I «Подражания»: клянусь, успокоенья, любя, зоркого, го-ненья, могучей, властью, мужайся, презирай, бодро, следуй, люби, дрожащей, твари, проповедуй.

Словарь III «Подражания»: чистые, сладкой, тишины, скромно, безбрачной, верные, нег, законных, стыдливых, лукавый, нечестивых, суетами, пареньи, дум, благочестивых, велеречивых, нескромных, пустых, смиреньем, целомудренным, склоненьем.

¹ Возможно, что с этой точки зрения Пушкин сознательно предпочел русский перевод Веревкина его французскому оригиналу.

² Чехов. Полное собрание сочинений, т. V, стр. 36.

Словарь III «Подражания»: смутился, нахмурился, бежит, дерзнет, порок, строптивых, возвещай, не понуждая, нечестивых, кичится, умертвит, воскресит, вострубит, гром, грянет, отиранет, притекут, обезображенные, страхом, падут, пламенем, прахом.

Словарь VII «Подражания»: боязливый, пещера, святая, лампада, сердечной, молитвой, печальные, мысли, лукавые, сны, смиренно, небесную.

Отразив поэтический словарь Корана, Пушкин отметил и другую особенность его поэтического языка. Отличительной чертой Корана, как всякого произведения, мышление и язык которого исключительно образны, является отсутствие большого количества специальных приемов, служащих для придания образности языку — поэтических тропов. Коран употребляет очень умеренное количество метафор, метонимий и т. п. Единственно, чем он часто пользуется, это — эпитетами. То же мы видим и в «Подражаниях». Язык их прост и точен. Метафоры очень редки и скромны. Во всех IX «Подражаниях» мы встречаем только следующие метафоры: под сенью сладкой тишины; дети пламенных пустынь; потонули в наслажденьи. То, что иногда нам кажется поэтической метафорой, выражает подлинную мысль Корана: на все поднята длань моя; зажег ты солнце во вселенной; да притечем и мы ко свету и да падет с очей туман.

Метонимии также редки и незначительны: главу его любя; язык твой одарил; да не дерзнет порок; похвальба порока.

Гораздо ярче в «Подражаниях» сравнения, которые любит и Коран: как лен, елеем напоенный, в лампадном светит хрустале; знай, все твои дары подобны горсти пыльной, что с камня моет дождь обильный.

Подобно Корану охотнее всего «Подражания» употребляют эпитеты, причем этот поэтический троп сохраняет в «Подражаниях» также особенности, которые он имеет и в Коране. Эпитетами часто служат существительные: сень успокоенья, стезя правды, суеты света, слово гнева, похвальба порока и т. п.

Отсутствуют эпитеты чисто-метафорические, преобладают эпитеты, определяющие и углубляющие значение предмета: зоркое говенье, дрожащая тварь, чистые жены, верные сердца, лукавый взор, целомудренное склоненье, радостный клич, дивные сны.

Наблюдается склонность к постоянным эпитетам, что характерно и для Корана: правая битва, утренняя звезда, вечерняя молитва, сладкая сень,

благочестивые думы, небесная книга, небесный гром, пламенные пустыни, младые рабыни, бранная добыча, святая лампада, холодная струя и т. п.

Переходя к синтаксису, надо сказать, что особенностями синтаксиса Корана является: краткость, отрывистость фраз; отсутствие описательных периодов с придаточными и вводными предложениями; действенные предложения с обилием глаголов; обилие риторических фигур — признак эмоциональности речи.

Речь «Подражаний» также отличается обилием кратких отрывистых фраз: нет, не покинул я тебя; мужайся, презирай обман; люби сирот; земля недвижна; вы победили, слава вам; и т. п. Длинных описательных периодов совсем не встречается. Придаточные предложения существуют исключительно в сокращенной форме и их чрезвычайно мало: в I «Подражаний» — 1; II — 1; IV — 0; V — 1; VI — 2; VII — 0, IX — 2; и только в III — 5 и в VIII — 4. Все предложения действенны, с большим количеством глаголов, особенно в I, III, IV, V, VI и IX «Подражаниях».

Язык «Подражаний» является образцом эмоциональной речи — все, почти без исключения, риторические фигуры здесь присутствуют: повторение: клянусь (4 раза); до утра (3 раза); не я ль (2 раза); за то ль (3 раза); обращение: о жены чистые пророка; а вы, о гости Магомета; о всеильный; о дети пламенных пустынь; восстань, боязливый; о сеятель благополучный и т. п.; восклицание: клянусь!; нет, не покинул я тебя!; Творцу молитесь; внемлите радостному кличу; вы победили, слава вам! и т. п.; риторический вопрос: кого же в сень успокоенья? не я ль в день жажды напоил? не я ль язык твой одарил? почто ж кичится человек? за то ль, что наг на свет явился? и т. п.

Таким образом мы видим, что те элементы поэтической стилистики, которые были доступны Пушкину в переводе, были им использованы вполне.

Обращаясь к области композиции, опять мы должны вспомнить, что основные элементы композиции поэтической речи, как ритм, размер и рифмы, не могли быть известны Пушкину. В области композиции он мог ограничиться только использованием общего построения произведения, что он и сделал. В своих нескольких небольших отрывках он постарался передать особенности построения всего своего источника. Таковыми являются: неожиданное вступление, быстрый переход от одной темы к другой, нагромождение нескольких тем в одном отрывке, отсутствие заключения.

В «Подражаниях» мы часто находим неожиданное вступление: клянусь четой и нечетой; недаром вы приснились мне; смутясь, нахмурился пророк; земля недвижна и т. п. Можно сказать, что в большей или меньшей степени неожиданное вступление, не подготавливающее читателя, а вводящее его сразу *in medias res*, является особенностью всех IX «Подражаний».

Так же характерен для них и быстрый переход от одной темы к другой: в III «Подражании» — почто ж кичится человек; но дважды ангел вострубит; в V «Подражании» — Творцу молитесь, он могучий и т. д. он милосерд, он Магомету открыл сияющий Коран; в VI — блаженны падшие в сраженьи. Такой переход, объединенный какой-то общей, обычно невысказанной, а только ощущаемой за текстом мыслью, является одной из отличительных черт построения сур Корана, создающей впечатление «явного беспорядка» и скрытой «чудесной гармонии», отмечавшихся и в литературе.¹

Нагромождение нескольких тем в одном отрывке также встречается не раз в «Подражаниях». Так, в I «Подражании» мы находим две темы: нет, не покинул я тебя; мужайся ж, презирай обман.

В III — три темы: с небесной книги список дан; почто ж кичится человек; но дважды ангел вострубит.

В V — две темы: земля недвижна; он милосерд.

Отмечено в «Подражаниях» и отсутствие заключения сур Корана, конец — такой же неожиданный, как и начало. Таков конец большинства «Подражаний».

Этой передачей общего построения и ограничивается использование Пушкиным композиции Корана. Доступный ему материал здесь был невелик, но зато являлся очень характерным и сразу передавал особый колорит подлинника.

Нам остается рассмотреть передачу Пушкиным последней и, может быть самой интересной стороны формы Корана — его поэтических образов.² По отношению к этой стороне Корана Пушкин находился в более благоприятных условиях, потому что поэтические образы Корана были доступны ему и в переводе. При этом, как отмечалось уже выше, если переводчика можно было упрекнуть в некоторых ошибках и неточностях,

¹ Страхов, *op. cit.*, стр. 574.

² Поскольку поэтические образы, как особый прием художественного творчества, относятся не только к содержательной, но и к формальной стороне.

то зато ему никак нельзя отказать в большой внимательности к передаче поэтических особенностей подлинника. Наивные и в то же время величественные образы Корана со всем их ярким своеобразием выступают на страницах этого перевода; они невольно должны были поразить поэта. Вспомним восклицание Пушкина: «плохая физика, но зато какая смелая поэзия».

Коран изобилует образами. Образное мышление и образная речь являются самыми характерными его чертами. «Подражания» также насыщены образами. Они насыщены ими даже больше, чем сам Коран, так как те образы, которые разбросаны по всему его тексту, здесь собраны в нескльких небольших отрывках. Почти все наиболее яркие и поэтические образы Корана попали в «Подражания»: клятва Аллаха, призывающего в свидетели предметы мира видимого и невидимого; вечеря пророка с буйными гостями и целомудренными женами; слепец, смущающий пророка; человек, зарожженный и умерщвленный по высшей воле; грозный и щедрый бог, давший ему и хлеб, и финик, и оливу; страшный день суда, когда брат от брата побежит и сын от матери отпрянет; древнее состязание с богом в движении небесных светил; творец, поддерживающий небесные своды, зажгший солнце, правящий ветром и тенью; сияющий Коран; бойцы с обритыми главами; сладостный эдем; ночная молитва; скупая милостыня, исчезающая, как пыль на камне; оживление человека и ослицы в пустыне.

Перечисленные образы можно назвать центральными, так как на них построена вся передача содержания Корана. Их сопровождают многочисленные образы, играющие менее важную роль, дополняющие и объясняющие центральные образы: спасение в пещере; напоение небесными водами; безбрачной девы покрывало; целомудренное склоненье; нахмурившийся пророк; кичливый человек; дважды ангел вострубит; обезображенные страхом; лен, елеем напоенный, в лампадном хрустале; и да падет с очей туман; недаром вы приснились мне; молодые рабыни; бранная добыча; уединенная пещера; ночная лампада; бледная нищета; сжатая длань; белеющие кости ослицы и т. п. Эти образы часто выражены более кратко, иногда скрываются в эпитетах, но они являются также законченными образами, передающими какую-нибудь деталь общей большой картины.

Образы Корана расположены в «Подражаниях» самым прихотливым способом. Иногда мы видим подавляющее нагромождение образов в одном и том же «Подражании» (I, III, V); иногда, наоборот, чувствуется, что целое «Подражание» написано затем, чтобы развить один поразивший поэта

образ (II «Подражание» — вечеря пророка, IV — подъемлю солнце я с востока, с заката подними его; VI — бойцы с обритыми головами; VII — ночная лампада;¹ VIII — дары, подобно горсти пыльной, что с камня моет дождь обильный; IX — оживление ослицы в пустыне.

Интересно, что наиболее яркие образы передаются очень точно по Корану: а вы, о гости Магомета; и брат от брата побегит, и сын от матери отпрянет; да не падут на сушь и воды; недаром вы приснились мне в бою с обритыми головами; все твои дары подобно горсти пыльной, что с камня моет дождь обильный; и ветхие кости ослицы встают.²

Роль образов в художественном произведении является чрезвычайно интересной, но и чрезвычайно сложной. Эта роль до сих пор окончательно не выяснена в литературе. Но как бы то ни было, приходится признать эту роль очень значительной. Поэтические образы, более или менее конкретные, присущи всякому поэтическому произведению, и от них зависит вся формальная сторона его, так как в конечном результате и стиль, и ритм определяются теми образами, которые хочет дать поэт. Поэтому передать образы какого-нибудь произведения, это значит: воссоздать и стиль и ритм его. Правильно переданные образы невольно потребуют того стиля и сообщат тот ритм, который соответствует создавшему их произведению.³ С другой стороны, поэтические образы интересны и тем, что они передают не только форму, но и содержание, поскольку в поэтическом произведении последнее выражается в образах.

В многочисленных подражаниях Пушкина так же как и в «Подражаниях Корану» не следует недооценивать роли поэтических образов. Весьма возможно, что Пушкин учитывал эту роль и сознательно пользовался образами, зная, что передав их, он передает и формальную, и содержательную сторону подлинника. По крайней мере в своих подражаниях всевозможным

¹ Хотя образа ночной лампы нет в Коране, но чувствуется, что этот образ здесь центральный. Ср. Сумцов. Стихи о лампаде, *op. cit.*, стр. 158. Образов, не основанных на тексте Корана, а данных поэтом от себя, в «Подражаниях» почти нет. К ним можно отнести только «лампаду» и «пещеру» из «Подражания» VII (хотя эти образы встречаются в других местах Корана, см. текст Веревкина к «Подражанию» I и V) и многочисленные образы пустыни из «Подражания» IX, которое вообще, как указывалось выше, в отношении передачи текста первоисточника является исключением.

² Ср. текст.

³ Воссоздание Пушкиным в «Подражаниях» ритма подлинника с этой точки зрения составляет самостоятельную проблему, выходящую сейчас за пределы поставленной нами себе задачи.

образцам Пушкин в качестве центрального приема брал передачу поэтических образов.¹

Роль образов Корана в «Подражаниях» подтверждает мысль, высказанную нами вначале о том, что Пушкина в Коране заинтересовала его поэзия. Мы даже можем предположить, что поэтические образы Корана были то первое и основное, что привлекло внимание поэта к этому памятнику и заставило его так длительно остановиться на нем.² И философия Корана, и историческая физиономия народа, его создавшего, переданы так хорошо не потому, что это было задачей «Подражаний», а потому, что и философия и быт Корана выражены в его поэтических образах и, передавая самые яркие его образы, Пушкин невольно и закономерно передал и самое интересное из его содержания.³ Но поэт оставался поэтом. Привлечь его и возбудить его творчество могла только поэзия.

В данной связи невольно вспоминается одна любопытная деталь отношения Пушкина к восточной поэзии вообще. В заметке: «О русской литературе с очерком французской» Пушкин писал: «Два обстоятельства имели решительное действие на дух европейской поэзии: нашествие мавров и крестовые походы. Мавры внушили ей исступление и нежность любви, приверженность к чудесному, роскошное красноречие Востока». А в письме к Вяземскому (апрель 1825 г.) он говорил: «Знаешь, почему не люблю я Мура? Потому что он черезчур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо ребячеству и уродливости Саади, Гафиза, Магомета. Европейец, и в упоении восточной роскошью, должен сохранить и вкус и взор европейца». Не касаясь сначала главной мысли этих замечаний, отметим только одну деталь, что в обоих отрывках представление о восточной поэзии связывается у Пушкина с представлением о роскоши. В первом отрывке он отмечает, как характерную черту, — ее «роскошное красноречие», во втором — ее «восточную роскошь». Вряд ли это соединение представлений — восточной поэзии и роскоши — оба раза случайно. Очевидно эту черту Пушкин считал особо характерной. Очень возможно, что и в Коране он увлекся ею; по крайней мере «Подражания» отражают ее в полной мере. Расточительная

¹ Подражания Песни Песней, арабскому, Гафизу, Анакреону и т. д.

² Это чувствовал и Черняев, когда говорил, что «Коран произвел на Пушкина сильное впечатление главным образом . . . поэтическими образами». *Op. cit.*, стр. 395—396.

³ «История народа принадлежит поэту» говорил Пушкин. Письмо к Гнедичу 27 февр. 1825 г. из Михайловского.

щедрость образов, богатство и пышность последних, неудержимая сила речи, смелая фантастичность рисунка — все это дает в «Подражаниях» впечатление именно роскоши, но, благодаря строгим формам, роскоши избыточной, приятной взору европейца.¹

Что же касается главной мысли этих отрывков, то она является также очень интересной для нас, так как в ней выражается отношение Пушкина к восточной поэзии, подобное тому, которое мы видели уже в примечаниях к «Подражаниям Корану». Главное внимание видимо и здесь обращается поэтом на форму, а не на содержание. В некоторых других случаях он высказывается еще определеннее. Например, когда ему указывали на внутреннее противоречие в описании очей Заремы в «Бахчисарайском фонтане» — «яснее дня, чернее ночи», — он отвечал, что он бы согласился с критикой, «если бы дело шло не о Востоке».² Также говоря о грузинской песне, которую он слышал во время поездки в Эрзерум, он называет её «какой-то восточной бессмыслицей, имеющей свое поэтическое достоинство».³ Во всех этих заявлениях ясно сквозит ирония по отношению к содержательной стороне и невольное признание своеобразных достоинств формы. Мы отмечали выше, что таково же было и отношение Пушкина к Корану.

Если «Подражания Корану» обычно не вызывают сомнения относительно высоких качеств их поэзии, то вопрос о поэзии самого Корана является чрезвычайно спорным. Приблизительно половина авторов отказывает ему в признании за ним поэтических достоинств, в то время как другая половина этими достоинствами восхищается.⁴ Нам представляется, что здесь нужно резко разграничить две стороны вопроса: одна сторона — можно ли Коран вообще рассматривать, как произведение поэтической литературы, и другая — есть ли это произведение высокого или низкого поэтического достоинства.

¹ Вспоминая наш формальный разбор «Подражаний», мы видим, что нам постоянно приходилось указывать на обилие в них того или другого формального элемента: обилие образов, обилие предметов мира видимого и мира чувств, обилие риторических фигур и т. п. Эта щедрость и богатство форм невольно создают впечатление роскоши.

² Письмо к Вяземскому. Апрель 1825 г. Мих — ое.

³ Путешествие в Эрзерум.

⁴ См. Филоненко, *op. cit.*, стр. 2.

Что касается первого вопроса, то нам кажется, что одно наличие в русской литературе такого произведения, как «Подражания Корану» Пушкина, в значительной степени дает на него ответ. В них Пушкин передал все доступные ему в переводе элементы поэтической формы Корана: его поэтический язык, поэтическую композицию, поэтические образы. Коран дал ему весь формальный материал. Передав эту форму, Пушкин передал и содержание своего источника — прием, который можно употребить, только имея дело с поэтическим произведением.

Обычно предполагают, что Мухаммед не был поэтом и не любил поэзии, указывая на то, что он отрицательно высказывался о поэтах. Не любить поэтов он, очевидно, имел свои причины, но это еще не доказывает того, что он не любил поэзии. Как бы он ни относился к поэзии, одно уже то, что он придал своему Корану рифмованную и размеренную форму, чем чрезвычайно удовлетворил и удовлетворяет до сих пор арабский вкус, показывает, что во всяком случае он был воспитан на поэтических традициях и они сказались в нем сильнее, чем приемы другого рода литературного творчества, которому он также имел примеры в окружающей его среде.

Совершенно другой вопрос — определить степень поэтического достоинства произведения Мухаммеда. Этот не менее интересный вопрос требует самостоятельного изучения и не входит сейчас в поставленную нами себе задачу.

Н. Кашталева.

Крюково.
Июль 1929 г.